

**В** ЖИЗНИ каждого артиста бывает свой звездный час. Иногда он приходит сразу, иногда его ждут долго, может быть, этот час откровения, когда постигается тайна искусства и вдохновения, приходит настоящая вера в себя, в единственность и необходимость выбранного пути.

Если сказать, что Нина Тимофеева танцует свою партию в балете «Легенда о любви» блистательно, значит, сказать мало. Она достигает в ней совершенства. Не часто в театре можно встретить такое полное слияние с ролью, растворение в ней, подобную самоотдачу, когда перестаешь замечать, как, какими средствами достигается высочайший художественный результат.

Тимофеева танцует страдание. Оно становится темой, образом, зримым символом. Мы видим, как оно ранит сердце, опустошает душу, вызывает ярость и гнев, болезненные мечты, бесплодные надежды. Актриса обнажает мысли и душу своей героини, делает зримой внутреннюю борьбу, совершающуюся в ней.

Критики много писали о подлинных открытиях человеческих характеров балетмейстером Юрием Григоровичем в этом балете, о драматизме образа Мехмене Бану — всеильной повелительницы. Впервые у Тимофеевой я увидела прежде всего женщину. Женщину с раненной насмерть душой, но сильную и гордую, способную затаить, запрятать боль, отчаяние, обуздать свои страсти, подняться над своим несчастьем.

Среди кукольных, бездушных фигур придворных Мехмене Бану — Тимофеева, обезумевшая от горя, как вопль отчаяния. Каждое ее появление на сцене — взрыв, крайность чувства. Не полутона, а резкие, графические, словно прочерченные алмазным резцом линии. Тема ее страданий, усиленная «хором» кордебалета, вырастает до подлинной

трагедии. Ее монолог не похож на танец в привычном значении этого слова.

Это выход за пределы танца, расширение его возможностей и границ. Словно вывернутая наизнанку душа человеческая, обнажившая все самое сокровенное, в чем не всегда можно признаться даже самому себе. Страдание так сильно, что переходит в физические муки,

в своих видениях она видела его героем. И это — логическое завершение образа. Последний аккорд.

Нина Тимофеева находится сейчас в расцвете своего таланта. Трудно назвать балерину, которая могла бы быть приравнена к ней по масштабности творчества и по размаху, совершенству владения техникой своего искусства, когда исчезают все ограничители и ис-

## ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ТАЛАНТА

в изломанные позы корчащегося от боли человека.

В Мехмене Бану Тимофеевой нет вакхической страсти. Она вся ушла в глубь своих страданий. Обугленно-черная фигура с кровавого цвета шлейфом — символ отчаяния, мрачной, безысходной тоски. И вихрь погони. Гнев, вызванный предательством, придает силы, находит выход в безумном вихре вращений, поражающих своей смелостью, буквально сметающих все на своем пути.

В этих головокружительных по своей виртуозности технических трюках (которые делает только Тимофеева) балерина не теряет внутреннего развития образа, и мы видим не фуэтэ и жетэ, а боль и гнев оскорбленного человека.

В последней сцене, когда Ферхад остается с народом, в Тимофеевой — Мехмене Бану нет недоумения: она словно ждала этого. Недаром

полнитель по своим возможностям открывает следующую страницу в книге искусства. Поистине ее техника ошеломляет. Фуэтэ, вращения превращаются в сплошной вихрь, удивляют своей смелостью, темпом, невероятной высотой полета, неиссякаемостью сил. Она покорила технику классического танца, возвысилась над ней, сделала ее лишь средством, чтобы рассказать о жизни.

Тимофеева создала целый ряд интереснейших и значительных женских портретов на нашей балетной сцене. О каждом из них можно говорить особо. В каждую партию она вносит свое, видит ее под своим «углом зрения», в то же время чутко и тонко проникая в замысел балетмейстера.

Кажется, не так уж намного изменилась партия Одетты в новой редакции Ю. Григоровича балета

«Лебединое озеро» в Большом театре, но общая атмосфера спектакля стала совершенно иной. И Нина Тимофеева органично слилась с ней. Присущий ей драматизм разрушил гармонию и равновесие идеала, придал образу небывалую экспрессию. Первый выход Одетты потрясает своим предельным напряжением душевных сил. Она сразу вносит трагическую ноту своей страстностью, глубочайшей серьезностью, проникновенностью молитвы. Быть беде! Это чувствуешь сразу. Ее Одетта прощает принца, раскрывая высочайшее благородство и величие женской души, способной возвыситься над мелким, увидеть и понять главное. В этой способности понять и простить — высшее проявление женственности.

Тема нравственного долга стала основной в творчестве Нины Тимофеевой. Ее героини не только чувствуют, они умеют мыслить и рассуждать. В ее партиях никогда нет пустых мест, каждое движение продуманно, осмысленно, выверено до предела. Она классична и строга на сцене. Ни малейшей аффектации, игры на публику. Удивительное чувство меры, вкуса, музыкальность. Это удивительная, особенная балерина.

Несомненно, внутренняя наполненность актера, содержательность его сценической жизни зависят от его чисто человеческих качеств, которые во многом определяют индивидуальность, направленность таланта. Человеческая прочность, порядочность, бескомпромиссность в вопросах совести и долга определили не только сценическую судьбу балерины, но и ее общественную деятельность. Народная артистка СССР Нина Тимофеева является депутатом Верховного Совета СССР. Можно предположить, как честно и серьезно относится она к своим депутатским обязанностям, как спокойны могут быть те, кто вручит ей свою судьбу, придет к ней за советом или за помощью.

А. ДАШИЧЕВА.